

Н.А. Лукьянова

МЕТАФИЗИКА СОБЫТИЯ

Томский государственный педагогический университет

О первых десятилетиях XX в. О. Мандельштам писал: «Ныне европейцы выброшены из своих биографий, как шары из бильярдных луз, и законами их деятельности, как столкновением шаров на бильярдном поле, управляет один принцип: угол падения равен углу отражения. Кроме того, интерес к психологической мотивировке в корне подорван и дискредитирован наступившим бессилием психологических мотивов перед реальными силами, чья расправа с психологической мотивировкой час от часу становится более жесткой» [1, с. 74–75]. Сегодня мы постоянно слышим об утрате смыслов, потере логики простых вещей и твердой основы бытия. Эти процессы заставляют людей принять в качестве ориентиров такие эталоны, которые, с одной стороны, входят в практику обыденного, с другой – указывают на иные метафизические связи. Та метафизика, которая предполагала жесткую взаимосвязь причины и следствия, исчерпала себя. Все это говорит о становлении такого типа метафизики, которая опирается на спонтанность, необратимость процессов и неповторимость событий. Именно такие изменения заставляют нас обращаться к методологии постнеклассической науки, которая помогает нам увидеть спонтанность бытия и ее принципиальную событийность. Особенность нелинейного мира в том, что в нем возрастает вероятность совершения маловероятных событий. Причем такое событие воспринимается как необратимость, спонтанность, скачок из потенциальности в актуальность. Это та необратимость времени, которая меняет темпоземлю, когда несколько структур синхронизируются, начинают жить в одном ритме, обретают один момент обострения. Таким образом, мы участвуем в становлении иного типа метафизики. Ее характер определяется тем, что бытие есть место, где происходит, по словам французского философа Г. Башляра, резонанс ритмов различных моментов [2, с. 139]. Этот резонанс определяется в будущем моментами обострения, которым становится спонтанное, необратимое событие. Такое событие может быть исследовано только методами постнеклассической методологии.

Однако, обращаясь к истории научного употребления дефиниции «событие», отметим, что как научный термин «событие» стало фигурировать впервые в исторической науке. Этому есть объяс-

нения: первое – из-за недостатка данных необходимо было представить прошлое как непрерывный процесс и события можно было «привязать» друг к другу; второе – историческая наука с неизбежностью стала отличать существенные события (такие как войны, смены монархов, революции) от событий обыденных, не меняющих ход истории. Именно поэтому для исторической науки событие всегда означало нечто, выходящее за рамки обыденного. В профессиональном историческом сообществе используются термины «факт», «событие», «явление». Как правило, эти термины используются для обозначения действия или факта, которое состоялось в определенное время и в определенном месте при участии человека или групп, объединений людей и составляющего содержательный стержень исторического процесса. Но, говоря об истории, мы обращаемся не собственно к событию, а к определенному образу прошлого, зафиксированному на материальных носителях и проинтерпретированному нашим современником.

Самым сложным является в исторической науке именно интерпретация событий, и это связано с достоверностью интерпретации того или иного исторического факта с выделением критериев отбора, с последующей трактовкой, с определением причинно-следственного ряда, с проблемой авторского изложения события, авторских пристрастий и т.п. Итак, именно интерпретация исторического факта придает ему значимость события, поскольку, с точки зрения истории, событие всегда является неким эмпирическим материалом, источником и причиной любого описания. История, тем самым, не более чем рассказ о событиях, точнее, событие, будучи рассказанным и описанным, с неизбежностью становится историей. То есть история являет собой определенным образом «обозначенный» поток хронологически расставленных событий. Эти события расставляются согласно заданной матрице, в которой зафиксировано, под каким углом зрения попадают в «сетку» истории эти события. Эта же «сетка» определяет меру значимости и интерпретации события, а также причинно-следственные связи между ними, устанавливая, тем самым, исторический горизонт – как единое означаемое. Например, как это представлено в «Маятнике Фуко», когда персонажи пытаются установить единый смысл происходящего, единый код историче-

ского процесса. Ключ к этому коду исторического процесса задается таинственной историей ордена тамплиеров, а также найденной «зашифрованной» запиской.

Философскую же традицию исследования феномена «события» можно разделить на два направления.

С одной стороны, в классической философской традиции примерно до конца XIX в. события как феномен не рассматривались. И это вполне объяснимо, к событию нельзя было применить классическое понимание мира, управляемого и предсказуемого. Событие не могло быть неизменным, к нему невозможно было применить понятие «вечное». Поэтому вторая традиция берет свое начало с введением А. Бергсоном временной длительности того или иного явления. Событием обозначается то, что, свершаясь, отменяет прежние принципы наблюдения, индивидуализируется, становится уникальным.

По всей видимости, динамика события интуитивно понималась философами конца XIX – середины XX в., поскольку философская мысль текла в контексте неклассической рациональности, что предполагало относительность истинных теорий, возможность нескольких подходов к описанию одного и того же круга физических явлений, отказ от резкого разграничения объекта и субъекта. Новый смысл получила категория объекта исследования, который стал чаще рассматриваться как динамический процесс. Важную роль при описании динамики системы начинают играть категории случайности, потенциально возможного и действительного. Приходит понимание того, что причинность не может быть сведена только к лапласовской формулировке. Эти радикальные сдвиги в представлениях о мире привели к изменению в представлениях о мире и необходимости введения дефиниции «событие» в систему философского знания. Неклассический тип научной рациональности отделяет субъект познания от объекта, это приводит к тому, что событие воспринимается как субъективное происшествие для субъекта познания, как со-бытие в ряде таких проблемных полей, как смысл, значение, сущность.

Приведем несколько примеров. Многие поздние работы М. Хайдеггера заканчиваются разговором о событии. Например, «Преодоление метафизики», «Письмо о гуманизме», «Вопрос о технике», «Путь к языку», «Время и бытие» и некоторые другие. М. Хайдеггер рассматривал эту проблему с разных сторон: со стороны языка, через анализ отношений времени и бытия, размышляя о существовании техники, анализируя сущее, а также задумываясь о предназначении человека, о его существовании. М. Хайдеггер пытался преодолеть эту сложность, размышляя о

существовании события, говоря о событии из самого события, событийствуя в событии. Не совсем ясно насколько удачны его изыскания, поскольку М. Хайдеггер не посвятил собственно событию ни одной работы, но при этом возвращался к нему во многих своих статьях и выступлениях.

Резюмируя представления М. Хайдеггера о проблеме события, можно отметить следующее. Событие – это существенно другое, потому что более богатое, чем всякое возможное определение бытия. Особенностью события является то, что в бытии как присутствии заявляет о себе касательство, которое так задевает нас, людей, что во внимании к этому касательству и принятии его мы нашли отличительность человеческого бытия. Бытие и время имеют место только в со-бытии, поскольку человек, внимающий бытию, выстраивает его в собственном времени. Человек, таким образом, принадлежит со-бытию, поскольку отличительная черта события – обособление. Благодаря последнему человек оказывается впущен в событие [3, с. 404–405]. Обособление сближается с событием через опыт языка. И наоборот, бытие в свете своего сущностного происхождения позволяет мыслить себя из со-бытия [3, с. 420]. Таким образом, М. Хайдеггер призывает в рассмотрении события отойти от привычного метафизического мышления. Он подчеркивает, что человек постигает себя в говорении – «сказе». В этом пути, принадлежащем существу языка, таится его событийная суть. Этот путь событийный. Тем самым, именно событие проделывает путь сказа к речи [3, с. 269]. И каждый раз М. Хайдеггер отмечает, что событие – это ближайшее из ближайшего, простейшее из простого и наиболее сложно для постижения.

В философии постмодерна понятие *событийности* было введено при отказе от линейного прочтения исторического текста. Ж. Делез трактует событие как концепт – системообразующую форму объяснения и понимания мира. Оно характеризуется *схватыванием и сращением* смыслов, в ходе которых возникает множество новых состояний. Событие, в прочтении Ж. Делеза, раскрывается в существовании Другого, который посредством речи реализует потенциальное и транслирует его в актуальном. «Каждое событие коммуницирует со всеми другими, все вместе они формируют одно Событие – событие Эона» [4, с. 54]. Отсюда следует важный вывод, в событии всегда присутствует Другой. Отметим, что постмодернистское событие – это событие как динамический комплекс сращения смыслов. Внешне оно проявляется в знаках. Внутренняя его форма – это момент «схватывания» смыслов. В этом «схватывании» возникает новое состояние со-бытия. Механизмом существования событий является позиция сопричастности с Дру-

гим. Важным выводом трактовки события Ж. Делезом является утверждение, что именно благодаря событиям язык становится возможным [4, с. 240].

Трагичная история первой половины XX в. заставила человека вновь и вновь переосмысливать понятие «событие», обращаясь к проблеме кризисных ситуаций, критических обстоятельств, в которых оказывается человек. В экзистенциализме становится событием катастрофа, которое устанавливает новые правила существования в культуре, новые правила «построения интриги» (термин П. Рикера).

Интрига в том, что новые смыслы открываются только при способности человека осознать совершающийся экзистенциальный поворот в собственной судьбе. Это должно быть «событие поворота», которое осознать можно по-разному; например, искать его причины, описывать его ход, рассказывать о его участниках или искать причины происходящего «в себе». Но, так или иначе, событие, случаясь с человеком, всегда прерывает повседневность. Событие – это то, что разрывает связь значений и знаков в подручном мире обжитого.

Описание феноменологии события столкнулось с проблемой, что событие невозможно описать как «очищенное» понятие. Мы видим движение, становление в описании события, поэтому никакая редукция по отношению к событию не может быть возможной. Таким образом, событие становится философской категорией только в описании, т.е. нам необходим некий субъект его определяющий. Поэтому на первый план выходит наблюдающий это событие субъект – наблюдатель. Следовательно, феноменология события описывается только в тандеме: событие–наблюдатель. Феноменологию события описывает В. Руднев, отмечая при этом, что условиями того, чтобы «произошло событие», являются: присутствие наблюдателя, событие меняет модальность сознания наблюдателя; чтобы описать событие, недостаточно описать физическую сторону наблюдаемого (происходящего), необходимо понять какое это имеет значение. Таким образом, акцент в восприятии события смещается не только в сторону его описания, но еще дальше – в область значений, которые может иметь это описание. Возможно, описание – это и есть методология работы с событием, которая позволяет преодолеть трудность «неуловимости» события. Эта стратегия, которая позволяет выбрать язык (код) описания. Именно от статуса кода будет зависеть его роль и статус в обществе, возможности появления его как *события*. Тем самым, «жизнь человеческого сознания, представленная в виде событий, есть не последовательность событий, а система событий» [5, с. 232].

Итак, уникальность и единичность события связана с особым местом этого события на ценностно-значимой шкале каждой отдельной личности, и тогда два различных события могут оказаться на одной ступени и даже отождествиться с точки зрения их влияния на судьбу этого человека. Следовательно, в феноменологическом описании события всегда существует ситуация совместности, разделенности с другим чем-либо и бытийствования. Однако ситуация совместности не имеет со-бытийного статуса в отсутствие усилия *коммуникантов*.

В свою очередь, герменевтическая традиция понимает под событием откровение, узнавание, смыслопорождающий акт, меняющий ритм жизни того, с кем это событие произошло; каждое событие становится значимым только в моменты его «индивидуализации», когда событие как откровение вводится в качестве акта трансцендентного понимания, релевантного и возможного для прочтения исключительно интерпретатором. Тем самым, в вопросе об истине события «человек понимающий» становится творцом многообразных картин исторического процесса. Г.-Г. Гадамер говорит о необходимом слиянии смысловых горизонтов интерпретатора и интерпретируемого для осуществления герменевтической практики [6, с. 452]. Интерпретация в этом случае должна претендовать не только на воспроизведение смысла исторического события, как он понимался в прошлом, но и на раскрытие всей полноты его смыслового потенциала, которое возможно только по прошествии многих лет. Подтверждением правомерности такого подхода могут послужить слова канцлера Бестужева – одного из героев художественного фильма «Гардемарины, вперед!» – на предложение сжечь документы, компрометирующие его: «Письма – в тайник. Я хочу, чтобы о моих делах судили не современники, а потомки». Основной вывод герменевтической традиции – это то, что события должны порождать определенное значение, соединяющее участников коммуникации для достижения взаимопонимания.

К продолжению герменевтической традиции можно отнести, на наш взгляд, событие поступка М.М. Бахтина. Все происходящее в жизни становится событием взаимодействия разных самосознаний, т.е. диалогом, в котором определяется истина. Диалог – точка соприкосновения субъектов – актуализирует умение познать и умение выразить себя в качестве определенных самостей посредством события. Событием, по М.М. Бахтину, является ответственный поступок, который «стягивает, соотносит и разрешает в едином и единственном и уже последнем контексте и смысл и факт, и общее и индивидуальное, и реальное и идеальное, ибо все

входит в его ответственную мотивацию; в поступке выход из только возможности в единственность раз и навсегда» [7, с. 29]. Именно посредством поступка человек приобщается к со-бытию бытия, т.е. навсегда обретает свое место в мире. В поступке проявляется мысль, мысль событийна. И она свершается как причастное событие в бытии. Причастность возможна не субстанциально, а событийно, говорил М.М. Бахтин. Для М.М. Бахтина ситуация перехода – это постоянный процесс, пусть даже это время тянется веками («большое время»), бытие есть событие встречи Я и Другого.

Итак, на наш взгляд, данная традиция рассмотрения метафизики события базируется прежде всего на идеалах неклассической рациональности, что, однако, не позволяет ответить на вопросы: как и почему событие может изменять облик и направленность динамики информационных процессов, трансформируя современную культуру; как и почему событие создает поле новых возможностей для человека?

На наш взгляд, на эти вопросы помогает ответить вторая традиция исследования феномена «событие».

Как мы отмечали выше, в конце XIX в. происходит смена научных парадигм, осознается невозможность найти некие вечные законы бытия. И одним из первых, кто почувствовал эти перемены, стал ведущий французский философ Анри Бергсон (1859–1941). В начале 90-х гг. XIX в. широкое распространение получает разработанное им гуманитарно-антропологическое направление западной философии, которое оказало влияние на философию У. Джемса и А.Н. Уайтхеда. Философия А. Бергсона, в отличие от большинства систем прошлого, дуалистична. Для философа длительность и жизнь – это, по существу, понятия-синонимы, ибо жизнь – это не пребывание, а становление, непрерывный переход из одного состояния в другое. Жизнь, по словам А. Бергсона, «можно сравнить не с ядром, пущенным из пушки, но с гранатой, внезапно разорвавшейся на части, которые, в свою очередь, также раскололись на части, и процесс этот продолжается в течение долгого времени» [8, с. 120].

Однако одной из наиболее примечательных черт философии А. Бергсона является то, что в отличие от большинства мыслителей, он рассматривает время и пространство как глубоко различные вещи. Пространство – это характеристика материи, которая возникает «при рассеении потока»; в действительности оно иллюзорно. Время, наоборот, есть существенная характеристика жизни или разума. Математическое время, согласно А. Бергсону, есть, в самом деле, форма пространства; время, являющееся сущностью жизни, он называет длитель-

ностью. Прежде всего длительность обнаруживает себя в памяти, так как именно в памяти прошлое продолжает существовать в настоящем. Именно с памятью мыслитель связывает рассматриваемое нами понятие «событие». Память, со своим желанием соотносить события, делает прошедшее и будущее реальным и тем самым создает истинную длительность и время. Постоянное движение определяет природу существования человека (и любого живого существа) в мире событий. А. Бергсон выделяет два типа таких существ: «Первые чувствуют только движения, вторые воспринимают качества. Первые совсем близки к тому, чтобы подчиниться ходу вещей; вторые реагируют, и напряжение их способности действовать, без сомнения, пропорционально концентрации их способности восприятия. Прогресс идет вплоть до самого человечества. «Люди действия» тем более бывают таковыми, чем *большее число событий* умеют они охватить одним взглядом; в силу этой же причины одни люди воспринимают *последовательные события* одно за другим и попадают *во власть этих событий*, другие же схватывают их сразу и господствуют над ними. Резюмируя сказанное, можно утверждать, что качества материи – это копии, которые тем более устойчивы, чем более мы овладеваем ее неустойчивостью» [8, с. 289] (курсив наш. – Н.Л.).

Идеи А. Бергсона оказали значительно влияние на становление философии процесса А.Н. Уайтхеда. Концепция интуитивной метафизики А. Бергсона не получила должного развития, однако именно в ней было определено, что классическая наука достигла своей вершины. Несомненно, что при построении своей метафизической системы «философия организма» А.Н. Уайтхед воспользовался идеей «творческой эволюции» А. Бергсона. А.Н. Уайтхед, рассматривая событие как постоянное движение, отмечает его роль в познании мира: «Мы должны начать с события, приняв его за конечную единицу природного явления. Событие должно иметь отношение ко всему существующему, в том числе ко всем другим событиям» [9, с. 163]. Таким образом, создавая философию процесса, А.Н. Уайтхед именно сделал событие центральной категорией.

Итак, основываясь на достижениях ученых-физиков (теории электричества и магнетизма Д. Максвелла, термодинамика, теория относительности и квантовая теория), исследователь пытается создать органическую картину мира и постепенно приходит к созданию своей философии организма. Он рассматривает событие как момент схватывания реальности, и оно имеет современников. Как каждое явление, оно обладает прошлым, памятью о прошлом, которое объединяется в единый контекст.

Под «событием» он понимал пространственно-временное происшествие, являющееся своеобразным звеном между прошлым и будущим, которое интегрировано процесс природы. «Событие начинается как следствие, обращенное в прошлое, а заканчивается как причина, обращенная в будущее» [10]. Как будущее событие отражает в себе те аспекты, которые будущее отбрасывает на настоящее и «которые несут в себе обусловленность будущим» [9, с. 131]. Поэтому событие является тем ключевым моментом, с которого нужно начинать рассмотрение любого природного явления. Концепция организма, постулируемая А.Н. Уайтхедом, определяет, что событие существует во *внешней и внутренней* реальности и является самодостаточным в этой реальности. «Событие в своей *внутренней* реальности отражает в себе как нечто, состоящее из частей, аспектов, присущей ему ценности, как полная реализация самого себя. Оно реализует себя в виде устойчивой индивидуальной сущности, которая содержит в себе историю своей жизни. Далее, *внешняя* реальность такого события, отражаясь в других событиях, также принимает форму устойчивой индивидуальности» [9, с. 165]. По мнению А.Н. Уайтхеда, природа – это множество разнообразных событий, которые включают в себя другие классы событий.

Таким образом, действительность, по А.Н. Уайтхеду, есть изначальное *становление, изменение, процесс*. Каждое событие тоже мыслится английским философом как процесс. События – это процессы опыта, каждый из которых представляет собой индивидуальный акт. Целостная вселенная – прогрессирующее соединение этих процессов [9, с. 238–239]. Уайтхед проводит классификацию событий, отмечая при этом, что отношения многих событий образуют «ткань» времени. Согласно А.Н. Уайтхеду, мы не можем осознавать природу в настоящий момент, так как осознаем длительности, которые случаются и проходят. Во времени длительность не ограничена, тогда как в пространстве она охватывает вселенную. Одно событие сменяет другое, заключая одно в другом, и все это заменяется другими событиями. Следовательно, можно сделать вывод о том, что протяженность способствует возникновению длительности, и каждая длительность может делиться на события. Итак, категория длительности раскрывает чувственное восприятие. Длительность разбивается на части, которые являются в своем роде ограниченными событиями и в свою очередь также обладают длительностью существующей ситуации, одновременно являясь ее частями.

Итак, событие в философии А.Н. Уайтхеда рассматривается через понятие *процесса*. Данное понятие становится ведущим в синергетическом

описании. В процессах самоорганизации человек-наблюдатель оказывается помещенным внутри системы, он является действующим лицом системы. Для него многие процессы воспринимаются как случайные, часто он не видит целого, находясь изнутри. Логика классической науки основывалась на том, что человек сначала выявляет законы природы, затем трансформирует их в собственные возможности, а затем пользуется ими. Нелинейная динамика (синергетика) отказывается от объективного описания мира, описывая мир как множество проектов, поскольку в рамках синергетического видения не может быть какой-то одной абсолютной истины.

Все вышесказанное является своеобразной прелюдией к пониманию особой роли и значения события в постнеклассической картине мира. В данной интерпретации событие не является следствием каких-то причин, поскольку причинно-следственная схема исходит из обязательного следования следствиям при наличии причины. Событие нелинейной динамики случайно и уникально, в нем нет закономерности. Во-первых, потому, что событие – это как раз то, что происходит вопреки закономерности. А во-вторых, потому что оно обладает рефлексивным строением: событие есть нечто происшедшее плюс его рефлексивное осмысление, описание.

В постнеклассической методологии не существует однозначного определения феноменов события и событийности, однако именно термодинамике неравновесных процессов мы обязаны пониманием того, что «эволюция – это цепь событий и переходов» [11, с. 69]. Для законов природы, которые не противопоставляются идее истинной эволюции, существуют, с точки зрения классиков, три минимальных требования. «Первое требование – необратимость, выражающаяся в нарушении симметрии между прошлым и будущим. Второе требование – необходимость введения понятия “событие”. По самому своему определению события не могут быть выведены из детерминистического закона, будь он обратимым во времени или необратимым: событие, как бы мы его ни трактовали, означает, что происходящее не обязательно должно происходить. Следовательно, в лучшем случае мы можем надеяться на описание события в терминах вероятностей, причем вероятностный характер нашего подхода обусловлен отнюдь не неполнотой нашего знания, но и вероятностного описания оказывается недостаточно. История стоит того, чтобы о ней поведать, только в том случае, если хотя бы некоторые из описываемых в ней событий порождают какой-то смысл. ...Событие, ранее казавшееся незначительным, смогло изменить ход истории. Отсюда третье требование, которое нам необходимо внес-

ти: некоторые события должны обладать способностью изменять ход эволюции. Иначе говоря, эволюция должна быть «нестабильной», т.е. характеризоваться механизмами, способными делать некоторые события исходным пунктом нового развития, нового глобального взаимообусловленного порядка» [12, с. 53].

Таким образом, нелинейная динамика отдает методологическое предпочтение «языку событий», поскольку с ним связаны идеи становления, развития и качественных изменений [11, с. 70].

Итак, мир классической науки был миром, в котором могли происходить только события, выводимые из мгновенного состояния системы. Концептуально термодинамика XIX в. сосредоточивала свое внимание на «забывании» события. Сторонники классической науки определяли такую картину мира, в которой любое событие однозначно определялось задаваемыми абсолютно точно начальными условиями. В такой картине мира нет места случайности, все детали «цепляются» друг за друга в определенной последовательности. «В мире классической динамики все эти события считаются столь же вероятными, как и события, отвечающие нормальному ходу явлений» [13, с. 107].

Однако событие в постнеклассической науке приобретает особое значение также благодаря той метаморфозе, которая произошла с понятием «время». В классической механике время было низведено до роли вспомогательного параметра, «нумерующего» последовательность событий, а в трактовке Ильи Романовича Пригожина и Изабеллы Стенгерс «время – это фундаментальное измерение нашего бытия» [12, с. 4].

Значение последствий «переоткрытия времени» для понимания роли события в постнеклассической картине мира в том, что решение парадокса времени было связано с идеями неустойчивости и хаоса. «Хаос приводит к включению стрелы времени в фундаментальное динамическое описание» [12, с. 9]. Именно хаос и недетерминированность вынуждают отказаться от описания классической механики в терминах траекторий и перейти к описанию в терминах распределения вероятности. Как отмечают классики, именно квантовый хаос, а не акт наблюдения, опосредствует наш доступ к природе [12, с. 10]. При этом необратимость времени, рассматриваемая как его сущностная характеристика, что ведет к принципиальной недетерминированности огромного числа систем (включая очень простые) и позволяет последним помнить свою «историю», обладать своеобразной «индивидуальностью». Это впервые дает возможность построения эволюционной физики, физики становления, гораздо более адекватным образом описывающей наш эволюционирующий мир. Таким образом,

«элементы, включающие в себя хаос, стрелу времени и решение квантового парадокса, приводят нас к более целостной концепции природы, в которой становление и “события” входят на всех уровнях описания» [12, с. 10–11], и далее: «...события являются следствием неустойчивости хаоса. Это утверждение остается в силе на всех уровнях, включая и космологический» [12, с. 11] (курсив наш. – Н.Л.). В этом случае рассматривается и гносеологический аспект времени в постнеклассической науке. Выше мы уже говорили о том, что атрибутами классического идеала научного знания являлись детерминизм, точность, воспроизводимость и т.д. В научный дискурс долгое время не включалось сначала время как таковое, а затем – некоторые его свойства. Новая рациональность, основанная на приоритете эволюции и становления, пришла на место классического идеала. В «Словаре сложного» Г. Николис и И. Пригожин говорят об информации, генерируемой нелинейными хаотическими структурами и о символической динамике – науке, описывающей систему в символах, отчасти созданных самой системой [14]. Именно поэтому «история», как ее понимают естественные науки, не совпадает с историей в обычном понимании этого слова. Эту дифференциацию проводит П. Рикер в работе «Время и рассказ». В естествознании «речь идет только о событиях специфического типа – событиях не единичных, а в высшей степени повторяемых (падение температуры в тех или иных условиях и т.д.). Выразить все свойства индивидуального объекта – невыполнимая задача, которую, впрочем, никто, а особенно в физике, перед собой и не ставит. Объяснение какого-либо индивидуального события невозможно, если требовать от него учета всех характеристик события. От объяснения можно требовать только точности и пронизательности, но не исчерпывающего охвата единичного. Уникальный характер события, следовательно, – это миф, который нужно удалить с научного горизонта» [15]. И далее: «...говорить об истории в целом – значит создавать общую картину прошлого и будущего; высказываться же по поводу будущего – значит экстраполировать на будущее конфигурации и связи прошлого; а эта экстраполяция, являющаяся, в свою очередь, составной частью предсказания, заключается в том, чтобы говорить о будущем в терминах, соответствующих прошлому. Но здесь не может быть истории будущего (а тем более, как мы увидим, истории настоящего) в силу самой природы повествовательных предложений, которые переписывают прошлые события в свете событий последующих» [15].

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы: естествознание не может ограничить себя

анализом только прошлого, прошлых событий и явлений, как это делает история; наличный опыт при описании событий непосредственным образом связан с прошлым, настоящим и будущим. Отказавшись от идеи находиться вне времени и пространства по отношению к миру, мы определили место наблюдателя: в «здесь и сейчас» описываемого явления (или по отношению к описываемому явлению). А из «сейчас», из настоящего, прошлое вероятное событие, которое *уже было* (хотя могло бы и не произойти), и будущее вероятное событие, которое *может быть* (а не *должно быть*, как в логике детерминизма), выглядят, вообще говоря, различно. Таким образом, «решение парадокса времени, равно как и других парадоксов, возможно только потому, что пространство становится “темпорализованным”, поскольку прошлое и будущее играют не одну и ту же роль» [12, с. 17]. Точки бифуркаций определяют выбор системой дальнейшего пути развития, изменяют и дробят однозначный ход явления, превращая его в «сферу возможностей». Но в каждой точке выбора одна из этих возможностей реализуется, другие – нет. Асимметрия прошлого и будущего относительно настоящего заключается в том, что мы можем (хотя бы в принципе) знать, какие из возможных выборов система сделала в прошлом, как она пришла к нынешнему состоянию, но принципиально не можем знать, какие сделает в будущем. Например, определяя развитие событий из прошлого до настоящего, мы обозначаем ее единой неразделенной линией, это произошло – события «случились». А вот из настоящего в будущее ведут только разветвляющиеся пунктирные линии. Исходя из сказанного, знание о прошлом может быть однозначно. С другой стороны, оно может быть безвозвратно утрачено. Сожженная рукопись, существовавшая в одном экземпляре; начальное распределение параметров системы, пришедшей в термодинамическое равновесие, – примеры таких утрат. То, что в прошлом произошло одно из нескольких возможных событий или мы можем получить о прошлом знание, которое считаем утраченным (например, рукопись могла и не сгореть или ее могли до этого скопировать) – далеко не всегда существенно. Синергетический взгляд на мир показал принципиальную неоднозначность будущего, ограниченность временного горизонта его предсказуемости. Следовательно, в настоящем должно присутствовать не одно будущее, а все его возможные варианты, все пунктирные линии. Таким образом, «преобразование самого смысла хаоса от препятствия на пути к познанию до нового объекта познания является наиболее фундаментальным и неожиданным решением первоначальной проблемы – поиск решения парадокса времени» [12,

с. 249]. Роль события в конструировании и решении этого парадокса времени, который является выдающимся достижением творческой мысли, определяется тем, что «несводимые вероятностные представления оперируют с возможностью событий, но не сводят реальное индивидуальное событие к выводимому, предсказуемому следствию» [12, с. 262]. Событие, тем самым, становится процессом актуализации человеческого опыта: «Созидание есть актуализация потенциальности, и процесс актуализации есть событие человеческого опыта...» [12, с. 252].

Итак, в постнеклассической картине мира понятие «событие» приобретает особое значение как следствие неустойчивости хаоса. Оно случайно и необратимо. «Обычно флуктуация возникает в виде локализованного, маломасштабного события... такие события являются случайными» [14, с. 82]. Роль события в постнеклассической картине мира определяется следующими условиями: обязательность введения понятия «событие» в научные представления об эволюции; события не могут быть выведены из детерминистического закона; события – это то, что может быть, а может и не быть; событие должно порождать нетривиальный смысл; языком событий связаны идеи становления, развития и качественных изменений; некоторые события должны обладать способностью изменять ход и темп эволюции. Эти признаки определяют метафизический уровень исследования события.

Таким образом, в рамках постнеклассической науки понятие «событие» является необходимой частью представлений об эволюции, поскольку нелинейная динамика отдает методологическое предпочтение именно «языку событий», так как с ним связаны идеи становления, развития и качественных изменений. Событие в этих процессах на метафизическом уровне проявляется как спонтанный, необратимый феномен, как скачок из потенциальности в актуальность, описание которого возможно только средствами постнеклассической методологии. Определено, что с языком событий связаны идеи становления, развития и качественных изменений, а следовательно, и процессы коммуникации. Таким образом, логика исследования с неизбежностью приводит к необходимости исследования понятия «событие» как философской и методологической категории при исследовании коммуникативных и коммуникационных процессов. Показано, что коммуникативное пространство обладает определенной структурной устойчивостью, связанной с универсальностью информационных и знаковых процессов [16, с. 75–86]. В связи с концептуальной моделью коммуникативного пространства установлено, что событие становится

ся центром пересечения информационных процессов в различных форматах знаковых каналов. Именно событие становится фактором, благодаря которому человек может конструировать действи-

тельность, т.е. совершать выбор, определять согласованность нескольких событий, индивидуализировать себя.

Поступила в редакцию 04.12.2006

Литература

1. Мандельштам О. Слово и культура. М., 1988.
2. Курдюмов С.П., Князева Е.Н. Козволюция сложных социальных структур: баланс доли самоорганизации и доли управления // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления: Мат-лы I науч.-практ. междунар. конф. Т. I. М., 2004.
3. Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993.
4. Делез Ж. Логика смысла. М.; Екатеринбург, 1998.
5. Руднев В. Феноменология события // Логос. 1993. № 4.
6. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М., 1988.
7. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. М., 2003.
8. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 2001.
9. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М., 1990.
10. Гансвинд И.Н., Уайтхед А.Н. [Электронный ресурс] Сайт Института исследования природы времени // <http://www.chronos.msu.ru/rauthorpublications.html> // Библиотека электронных публикаций
11. Мелик-Гайказян И.В. Информация и самоорганизация: методологический анализ. Томск, 1995.
12. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М., 1999.
13. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.
14. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. М., 1990.
15. Рикер П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М., 2000.
16. Лукьянова Н.А. Динамика коммуникативного пространства образовательных систем // Высшее образование в России. 2006. № 11.

УДК 101:82-1/29

А.И. Столетов

ФИЛОСОФИЯ И ПОЭЗИЯ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа

С тем, что у философии с искусством много общего, сейчас вряд ли кто будет спорить, не говоря уже о том, что некоторые философы сами считают философию больше искусством, чем наукой.

И действительно, для начала можно указать, например, на большую значимость личностного момента как в творениях философа, так и в произведениях художника в общем смысле слова, да еще, пожалуй, на общий «предмет» направленности – идеи, помня, конечно, о том, что искусство не ограничивается этим «предметом».

Существует определенный «синтез» философии с искусством в таком относительно недавнем (всего два-три века) явлении, как философская поэзия или философская лирика. Еще в античности мыслителям свойственно было выражать свои философские системы в виде поэм. Вспомним хотя бы знаменитое творение Тита Лукреция Кара «О природе вещей». Кроме него в истории философии встречаются мыслители, прибегающие к стихосложению как

форме подачи собственных размышлений. Наиболее известны среди них Лао-цзы, Ницше, Владимир Соловьев... Но большинство из подобных произведений изящной словесности философов-поэтов являются лишь стихотворной формой преподнесения философских идей, не представляя большой художественной ценности. Философская же поэзия – поэзия безо всяких «поблажек».

С другой стороны, в поле нашего внимания в контексте данной проблемы попадают поэты-философы, чьи стихи также содержат в себе философские системы, но не как цель, а, скорее, как «промежуточный результат». В этой связи стоит для примера вспомнить так называемую англоязычную метафизическую поэзию Т.С. Элиота, У.-Х. Одена, Р. Фроста, австрийца Р.-М. Рильке, аргентинца Борхеса, отечественных авторов: Тютчева, Веневитинова, Баратынского, Блока, Арсения Тарковского, И. Бродского... Конечно, «извлечь» определенную философию можно из любой насто-